

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ФРАНЦИИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ЭПОХ

С.И. Косенко

Почетное консульство РФ в Лозанне, Швейцария, 13, авеню Румине, 1003
Лозанна, Швейцария.

В статье рассматриваются истоки и основные этапы становления культурной дипломатии Франции как фактора «мягкого могущества» этой страны. Показано традиционно важное место культурной политики в стратегии сохранения и усиления планетарного влияния Франции как великой державы. Опыт истории и культуры Франции – родины Просвещения, свободомыслия и идеологии прав человека, – несомненно, занимает почетное место не только в европейской, но и в мировой сокровищнице духовных ценностей. И если величие и притягательная сила французской культуры сумели пережить превратности времен, то произошло это прежде всего благодаря последовательной культурной политике ее правящих кругов – от просвещенных монархов до современных президентов. В этом смысле культурная политика как целенаправленная деятельность государства по сохранению и защите национальной культурной специфики является сугубо французским «изобретением», феноменом, берущим свое начало в глубине истории страны и сохранившим преемственность на протяжении веков. И по сей день Франция остается единственной среди промышленно развитых стран, у которой с давних пор существует четко разработанная программа этой политики и которая носит целенаправленный характер и опирается на рациональную организационную структуру. Рассуждения автора подкрепляются фактами, почерпнутыми из значительного числа зарубежных публикаций последнего времени.

Ключевые слова: дипломатия влияния, культурная политика, культурная дипломатия, культурная исключительность.

Культурная политика Франции за рубежом всегда опиралась на славное прошлое этой страны и ее выдающиеся достижения в различных областях мысли, культуры и науки, вдохновлявшие не одно поколение не только французских, но и иностранных государственных деятелей, духовных лидеров и обычных людей. Культура традиционно была и остается эффективным компонентом французской дипломатии влияния, обеспечивающей так называемое «мягкое могущество» Франции. Главным и почти монопольным оператором этой политики с давних времен является министерство иностранных дел – Кэ д'Орсэ. В 2010–2011 гг. была проведена очередная реформа аппарата культурной дипломатии Франции с тем, чтобы приблизить ее к реалиям эры Интернета и цифровых технологий [2, pp. 14–15]. По сей день Франция остается единственной среди промышленно развитых стран мира, у которой с давних пор существует четко разработанная программа этой политики, носящая целенаправленный характер и опирающаяся на рациональную организационную структуру.

Культурная политика по праву считается французским «изобретением», ее внутренние и внешние параметры неразрывны. Несколько лет назад министерство культуры и коммуникации Франции выпустило брошюру, в которой указано, что административная организационная структура берет свое начало в XVII в. – с созданием в 1654 г. генерального суперинтендантства по управлению королевской недвижимостью [4, p. 17]. Этот акт служит как бы отправной точкой отсчета в славной истории французской культурной политики. Как свидетельствуют архивные документы, уже Карл Великий (742–814) и последующие поколения французских принцев в VIII–XII вв. проявляли заботу о содержании школ, реставрации манускриптов, окружали себя учеными, художниками и артистами. Этот период даже получил название «Ренессанс эпохи Каролингов». Если в 1257 г. Людовик IX поддержал создание теологом Робером Сорбоном университета в Париже, а в 1298 г. на французский язык было переведено знаменитое повествование о путешествиях португальца Марко Поло, то еще сильнее стремление монарха к культурному развитию королевства ощущалось при Карле V Мудром в середине XIV в.

Однако подлинным родоначальником покровительства искусств и литературы во Франции считается король Франсуа (Франциск) I, правивший в 1515–1547 гг. Решительно воспротивившись засилью латинского языка, учредил в 1530 г. Королевскую коллегию лекторов, ставшую впоследствии важным очагом французской культуры, известным под именем Коллеж де Франс. Среди других знаменитостей того времени в Коллегии некоторое время по приглашению короля работал Леонардо да Винчи. В 1538 г. гуманист Робер Этьенн/Эстьенн (1503–1559) опубликовал Латино-галльский словарь, где впервые употребил

выражение «культивировать ум (сознание)», после чего слово «культура» стало входить в обиход во Франции и в Германии [3, pp.230–235]. С продвижением французского языка монархи изначально связывали становление и сплочение французской нации.

В 1539 г. королевский ордонанс Виллье-Котре окончательно придал французскому языку статус государственного, постановив употреблять его вместо латинского во всех официальных документах. В те далекие времена именно королевский двор стал первичным хранилищем и распространителем культуры.

Более четко идея политической ответственности публичных властей в области искусства и творчества утвердилась в XVII в., и ее первым реальным институциональным выражением стало создание кардиналом Ришелье в 1635 г. Французской академии (Académie française). Основные усилия академии были направлены на официальное закрепление французского литературного языка в государственной и общественной жизни страны. Создание академии явилось серьезным поворотом в закреплении связей между государством и интеллектуально-художественной элитой общества, а также мощной поддержкой со стороны государства развития литературного французского языка. Двумя годами позже, в 1637 г., член академии Ренэ Декарт (1596–1660) опубликовал свое «Рассуждение о методе», сделавшее французский язык языком философии. Таким образом, начиная с Людовика XIII (1610–1643) и особенно при «короле-солнце» Людовике XIV (1643–1715) французский двор стал основным официальным местом средоточия духовной жизни нации и местом, где вольготно чувствовали себя ученые, писатели, артисты, художники и музыканты.

Культура и дипломатия Франции всегда были тесно связаны [5, p.11]. Первым реальным проявлением «культурной дипломатии» Франции считают договор, заключенный в 1535 г. королем Франсуа (Франциском) I с султаном Сулейманом Великолепным. По договору султан обязался защищать христиан, что открыло путь проникновению французского языка и культуры на Ближний Восток. При Людовике XIII кардинал Ришелье и его сподвижники подхватили и укрепили традицию королевского «культурного действия». По настоянию кардинала в 1625 г. Франция добилась от всемогущей Римской курии признания права на руководство французскими католическими миссиями. Это позволило ей встать в один ряд с такими признанными проводниками католичества за рубежом, как Испания и Португалия. Центром франкофонии и франкофилии на Ближнем Востоке в ту пору стал Ливан. Тогда же началось активное освоение Канады, открытой французом Жаком Картье в 1615 г. Постепенно французские миссионеры и религиозные конгрегации начали распространять свои идеи не только на Ближнем Востоке, но и в Африке, в Северной и Латинской Америке. Напомним, что еще в 1701 г. француз Антуан де Ламот-Кадийак (по-англ. – Кадиллак)

основал в штате Мичиган город Детройт – будущий центр американского автомобилестроения.

Годы правления «короля-солнце» Людовика XIV ознаменовались небывалым подъемом первых культурных обменов Франции с окружающим миром, чему немало способствовал начавшийся расцвет литературы и театра. Помимо произведений на французском языке писатели, драматурги и литераторы того времени при поддержке королевского двора принялись соревноваться в создании многочисленных журналов, кружков и школ, в том числе за рубежом. Самыми знаменитыми тогда стали французские школы в Голландии и отделение Коллеж де Франс в Берлине, открытое в 1689 г.

Вслед за Ришелье кардинал Мазарини назначил послами видных гуманистов и литераторов с наказом завязывать самые тесные связи с местной культурной элитой, используя красноречие, умение вести интеллектуальную беседу для, грубо выражаясь, пропаганды французских духовных ценностей. Французский язык окончательно утвердился в качестве официального языка общения при всех европейских дворах, а сама Франция была признана законодательницей куртуазных дипломатических правил и обычаев. С Францией уже тогда ассоциировались понятия о престижности, глубине мышления и тонкости вкуса.

Демократизация образования и повышение культурного уровня масс, бурное развитие гуманитарных наук, утверждение культурной самобытности европейских наций, начавшиеся еще в Средние века, создали благоприятные условия для распространения французской культуры и культурных обменов с другими странами. Если поначалу их движителем, безусловно, были религиозные и коммерческие интересы, то вслед за крестоносцами и купцами по миру разбрелись французские теологи, схоласты, ученые и преподаватели. Ими была заложена основа для дальнейшего развития самостоятельной внешней культурной политики Франции. Так, в Риме, в дипломатической миссии, в молодости зарабатывал себе на хлеб впоследствии яркий представитель литературной группировки «Плеяда», реформатор французского языка поэт Жоакен (Иоаким) дю Беллэ (1522–1560), современник другого великого поэта Средневековья – Пьера де Ронсара. В 1549 г. в своем трактате «*Défense et illustration de la langue française*» он придал понятию «культура» моральный смысл, определив ее как стремление к развитию интеллектуальных способностей с помощью соответствующих действий [6, p.11]. А сто лет спустя достопримечательностью своего времени стал единомышленник Дидро кардинал де Бернис, избранный академиком в возрасте 29 лет и назначенный в 1751 г. сначала послом в Венеции, а затем в Риме, где он прослужил почти четверть века.

Рене Декарт поддерживал самые тесные отношения с королевскими дворами Швеции и Нидерландов. Королева Швеции Кристина (1626–1689), желая превратить Стокгольм в «новые Афины»,

приглашала к своему двору французских художников, поэтов и зодчих. А взойшедший на престол почти через сто с лишним лет после нее шведский король Густав III (1746–1792) с юных лет находился под сильным влиянием Франции. Поощряемый матерью, Густав изучал книги Вольтера, Корнеля, Монтескье, Расина и настолько хорошо овладел французским языком, что говорил и писал на нем не хуже, чем по-шведски. Весть о смерти отца он получил вечером 1 марта 1771 г., когда сидел в ложе парижского оперного театра, и в Стокгольм уже вернулся королем Густавом III. Получив поддержку и большую субсидию от Франции, новоиспеченный король практически осуществил государственный переворот. 19 августа 1772 г. риксдаг под дулами пушек принял пакет новых законов, существенно расширивших единоличную власть монарха [7, p.17].

Три четверти века, прошедшие с момента окончания правления Людовика XIV, Просвещения и Великой революции, были эпохой дальнейшего, хотя и менее плодотворного, развития и распространения французского языка и культуры. Разумеется, продвижение отечественной культуры было далеко не единственной задачей французских дипломатов–интеллектуалов. В 1743 г., например, философ Вольтер был отправлен в Гаагу с тайным поручением осведомиться о замыслах голландского короля Фредерика, а драматург Бомарше прибыл в Лондон, чтобы наблюдать за отношением политических кругов к событиям в Америке.

В тот период французскую культуру за рубежом представляли такие видные деятели эпохи, как Жан-Жак Руссо, который в 1743 г. служил секретарем французского посла в Венеции, Вольтер – при дворе Фридриха II в Пруссии, а Дени Дидро в 1773–1775 гг. – при дворе Екатерины II в России. Секретную миссию в Пруссии за три года до Великой французской революции, начавшейся в 1789 г., выполнял один из ее вдохновителей граф Мирабо. В 1803 г. будущий известный писатель Франсуа-Рене де Шатобриан по приглашению Наполеона стал французским дипломатом в Риме. После реставрации Бурбонов он работал послом в Берлине (1821), Лондоне (1822) и Риме (1829), а в 1823–1824 гг. – даже был министром иностранных дел. На дипломатическом поприще провели часть своей жизни писатели Стендаль и Ламартин. То есть тесная связь между дипломатией и культурой во Франции завязалась еще в достопамятные времена и постоянно укреплялась. Неслучайно французский язык уже тогда стал придворным и дипломатическим языком Европы и, следовательно, естественным вектором французской культуры.

Именно в этот промежуток времени «распространение идей» стало константой внешней политики Франции. Тогда же, особенно после провозглашения в 1789 г. Декларации прав человека и гражданина, окончательно определились и ее универсалистские амбиции, а трехцветное знамя (триколор) и «Марсельеза» утвердились

■ Международные отношения

как символы свободолюбия и равноправия в сознании передовых людей в Европе, а потом и во всем мире. На исходе XVIII в. Франция вступила в эпоху великих преобразований. Однако сначала деятели Великой революции, а потом император Наполеон I подхватили выпавшее из рук Старого режима знамя государственного покровительства культуры и, как бы национализировав ее, поставили «культурное действие» на службу своим идеологическим, военным, территориальным и экономическим интересам.

Под «национализацией» следовало понимать распространение новых республиканских идей, новых нравов и нового взгляда на роль в обществе языка «свободы, равенства и братства» и его культуры, полностью подчиненных отныне национальным интересам. В одном из писем граф Жозеф де Мэтр писал в декабре 1809 г.: «Вся (французская) нация есть не что иное, как широкая пропаганда» [8, p.12]. В феврале 1790 г. Конвент отменил религиозные ордена, что лишило их необходимых ресурсов и поставило под вопрос их роль в распространении французской культуры. Эту роль все больше брало на себя само государство и французские эмигранты. Как известно, один из них, герцог Эммануил де Ришелье (потомок кардинала), управлял Новороссийским краем с 1803 по 1814 г. и положил начало основанию Одессы, а другой француз – маркиз де Траверсэ – организовал арсеналы в Николаеве и Севастополе.

Как это ни парадоксально прозвучит, но военные кампании армии Наполеона в Египте (1798) и в России (1812) преследовали не только военно-стратегические цели: в ее обзоре следовали ученые, инженеры, учителя, деятели искусства, артисты, перед которыми ставилась задача обеспечить «духовное присутствие» Франции в покоренных странах. Но вот в России Наполеона погубило завышенное самомнение. Он не знал такого понятия, как «русский патриотический дух», и, видимо, считал, что страна, усвоившая французский язык и манеры, сразу сдастся на милость французского императора. И просчитался. Примечательно, однако, что после нашествия Наполеона, помимо проникновения свободолюбивых идей, усилился наплыв в Россию французских специалистов: инженеров, архитекторов, театральных режиссеров, книготорговцев и библиотекарей, искусствоведов, кулинаров и виноделов, парфюмеров и парикмахеров, воспитателей и гувернантов и проч., хотя никакой юридической базы для таких обменов еще не существовало. Были среди них и дезертиры из французской армии, стареющие актрисы и актеры погорелых театров, уволенные домработницы, дамы легкого поведения, куртизанки и просто авантюристы – любители легкой поживы. Но все они, так или иначе, способствовали тому, что вскоре французский язык стал вторым официальным языком российской элиты.

В то же время, идя по стопам своего великого предшественника Франсуа I, Наполеон в 1801 г. возобновил договор с Османской Портой об исключительной роли Франции как покровитель-

ницы всех христиан на Ближнем Востоке. Но уже вскоре после этого обозначился закат всевластия первого императора. Его кампания в Египте не принесла ощутимых результатов, хотя и дала толчок развитию египтологии. В Египте остались работать многие французские ученые. Еще более скромными оказались результаты попытки Наполеона «пролезть» в заповедную зону английских интересов в виде экспедиции «натуралистов» на остров Тасмания. В 1803 г. Франция согласилась продать Соединенным Штатам огромную территорию Луизианы со значительным франкоязычным населением.

Примерно с того же времени мессианистские и гегемонистские устремления Франции, в том числе облаченные в культурные формы, стали встречать растущее сопротивление со стороны ее основных соперников в Европе – Англии и Германии, а позднее и США. Они тоже хотели видеть в своем языке и в своей культуре инструменты укрепления национального единства и утверждения своих внешних амбиций. Лорд Палмерстон первым настоял на замене господствовавшего тогда в дипломатической переписке французского языка на английский. Политическое и военное соперничество между ведущими европейскими державами дополнилось соперничеством в области культуры.

Венский конгресс 1813–1815 гг., созданный после разгрома Наполеона, надолго охладил пыл культурной дипломатии Франции. Тем не менее либерализация французского общества, начавшаяся после падения Первой империи, дала простор ярким талантам во всех областях французской культуры, естественным образом не только сохранив, но и усилив ее привлекательность за пределами Франции. С новой силой и в новом формате возобновилась деятельность религиозных конгрегаций за рубежом – иезуитов, доминиканцев, израелитов, лазаристов и др. Они вновь рьяно взялись за создание школ, больниц, культурных центров в самых разных уголках мира от острова Бурбон (будущий Реюньон) и Мадагаскара до Сенегала, Антильских островов, далекого Таити и даже испаноязычного Перу.

Многочисленные французские ученые, натуралисты, исследователи, моряки, врачи, торговцы и опять же авантюристы на свой страх и риск и чаще всего за свой счет в поисках удачи и открытий разбрелись по всему свету – от Дальнего Востока до Латинской Америки и Океании, – неся в себе зерна французской культуры. Так, например, десятки французских военных, поддерживавших революцию и Наполеона, примкнули к освободительному движению Симона Боливера в Южной Америке (Араго, Лабатю, Лафон, Реверан, Дезире Рулен и масса других имен). Успешно развивалось сотрудничество с Египтом, о чем свидетельствует обелиск, полученный в дар от египтян и воздвигнутый на площади Конкорд в Париже. Французы в 1847 г. руководили строительством плотины на Ниле, вели раскопки в Мемфисе, оборудовали современные госпитали в Каире и Суэце. Финальная

фаза этого сотрудничества была ознаменована открытием Суэцкого канала в 1869 г.

Началом же непосредственного официально «вторжения» министерства иностранных дел Франции в сферу культуры следует считать 1846 г., когда им было принято решение финансировать Французский археологический институт в Афинах, а затем в Каире (в 1880) и на Дальнем Востоке (в 1898) [1, p.125]. Россия, несмотря на то что французский язык в середине XIX в. был там широко распространен в высших кругах общества, в культурном отношении французов тогда не очень интересовала. Стратегические интересы Франции нашли свое отражение в Крымской военной кампании (1854–1855), когда она примкнула к коалиции, сколоченной против России Англией и Турцией. Но, видимо, в порядке фатальной справедливости сама Франция вскоре потерпела поражение в короткой, но жестокой войне с Пруссией (1870–1871 гг.), потеряв Эльзас и Лотарингию и обязавшись выплатить 5 млрд фр. контрибуции. Это означало крах Второй империи во Франции.

Несмотря на это, с 1871 по 1914 г. французский язык оставался преобладающим средством общения в Европе, хотя сфера его применения уже неумолимо сокращалась. Возвышение всемогущей в индустриальном, торговом и колониальном отношении Великобритании и быстро крепнущая политико-экономическая и военная мощь Германии стали основными соперниками «мессианства» слабеющей Франции в борьбе за культурное и духовное лидерство в мире. Поэтому ей срочно пришлось искать новые способы укрепления присутствия французского языка – «вектора цивилизации» – в зонах своего влияния, прежде всего в Алжире, Ливане, Камбодже, Сенегале и в Океании (Таити), и открывать новые сферы. В 1868 г. французское правительство добилось согласия Турции на открытие первого в Турции лицея в Галата-Сарае с преподаванием предметов на французском языке (к 1914 г. таких лицеев только в Оттоманской империи было около 90, с общим числом учеников, перевалившим за 14 тысяч), но надо было подождать еще с десятков лет, прежде чем в 1883 г. по инициативе общественных деятелей был создан Альянс Франсэз – частная самокупаемая организация по распространению французского языка и французской культуры за рубежом.

Оказывать материальную помощь филиалам Альянс Франсэз государство согласилось с первых дней существования этой организации. Послам Франции во всех странах был разослан циркуляр с рекомендацией всемерно поддерживать деятельность Альянса. Наряду с ним важным каналом распространения французской культуры до начала Первой мировой войны оставались также миссии религиозных конгрегаций (44 миссии, около 70 тыс. миссионеров). Показательно, что государственная поддержка оказывалась культурным усилиям религиозных конгрегаций вопреки светскому характеру власти и антиклерикализму французского общества (в 1904 г. из Франции были высланы все миссии зарубежных

конгрегаций, а в 1905 г. принят закон об отделении церкви от государства). А созданная в 1902 г. новая общественная организация – Французская светская миссия – опять же при поддержке государства открыла лицеи в Салониках (1905), в Эфиопии (1908), а потом в Египте и в Ливане. В 1890 г. в Египте также был открыта французами школа права. С учетом растущей международной конкуренции за духовное лидерство вопрос о субсидиях на культурные цели за рубежом неизменно благополучно решался парламентом, точно так же как и на цели «защиты христиан» на Ближнем и Дальнем Востоке. В результате Франции, например, удалось успешно отразить попытки Германии и Италии подтолкнуть Китай к установлению прямых отношений со Святым Престолом, чтобы «сломать» монополию французов в деле «защиты христиан».

Важным фактором «культурного влияния» Франции за рубежом уже тогда было также техническое сотрудничество. В 1899 г. французы проложили кабель по дну Китайского моря, наладив тем самым телеграфное сообщение между Малаккой и Кохинхиной вплоть до Японии. В 1908 г. Далай-лама попросил Францию установить телеграфную линию с Тибетом. Особого внимания в этот период заслуживают усилия французского государства в области экспорта культуры в условиях конкуренции по части культурного присутствия (читай: влияния) в одних и тех же регионах между Францией и другими крупными державами (Великобританией, Германией, Италией, Россией, а чуть позже – США). Так, ситуацию в Египте, например, французские дипломаты в своих депешах прямо называли «войной языков» (французского с английским), причем за относительно короткий период (с 1891 по 1906 г.) победу в этой «войне» одержали англичане. Все эти страны соревновались в том, кто откроет за границей больше школ и университетов, больниц и технических центров. В 1898 году открылась французская школа в Сеуле. А в 1908 г. в Шанхае был открыт первый франко-китайский университет в противовес английскому университету в Гонконге и немецкому университету, проектировавшемуся в провинции Шандун.

Одновременно Франция не ослабляла борьбу за сохранение роли французского как языка дипломатии. В 1902 г. созданная на основе Гаагской конвенции 1899 Постоянная палата третейского суда должна была заняться разбирательством спора между США и Мексикой. Узнав, что американцы собираются сделать официальным языком разбирательства английский, посол Франции в Вашингтоне и видный дипломат Жюль Камбон направил тревожную депешу, испрашивая инструкции для противодействия этому намерению. Последовало согласие Кэ д'Орсэ и вскоре на заседании в Гааге при поддержке Бельгии, Румынии, Дании и некоторых других стран было объявлено, что официальным языком «права и дипломатии» остается французский [8, p.24]. Это положение сохранялось вплоть до подписания Версальского договора в 1919 г., который по настоянию амери-

■ Международные отношения

канского президента Вильсона был составлен на двух языках. Это стало первым реальным сигналом изменения глобального соотношения интеллектуальных сил в мире.

Накануне Первой мировой войны в заграничные университеты впервые стали широко направляться французские лекторы и профессора, а вскоре были открыты первые крупные центры (институты) французской культуры в Афинах, Флоренции и в Мадриде (ради курьеза отметим, что центр в Мадриде был создан в 1909 г. на средства, полученные министерством внутренних дел от налога на игорные заведения), в Лондоне – в 1910 и в Санкт-Петербурге – в 1914 гг. Растущий объем культурных связей и сотрудничества потребовал создания при Кэ д'Орсэ в апреле 1909 г. специального Отдела (Бюро) по делам французских школ и благотворительности, где поначалу работали всего двое служащих, управлявшие 10% бюджетных ассигнований министерства. На эту службу была возложена задача координировать работу французских школ за рубежом и обеспечивать их кадрами. А в 1910 г. дополнительно было учреждено Национальное бюро по делам французских университетов и школ за рубежом. С этого момента решающее участие государства в осуществлении внешней культурной политики Франции стало нормой. Расходы на культурные цели французского министерства иностранных дел перед Первой мировой войной настолько возросли (с 1875 по 1912 г. они увеличились в девять раз и составили 2,3 млн фр., что часть из них было решено проводить по секретным статьям, дабы не раздражать общественность. Во время войны 1914–1918 гг. во Франции появился «Дом прессы» – первое в стране информационное агентство, которому было поручено пропагандистское обеспечение победы Франции в войне с Германией с помощью наглядной агитации, книг, кино и артистических мероприятий.

Из Первой мировой войны Франция вышла донельзя ослабленной во всех отношениях. В условиях, происшедших не в ее пользу геополитических изменений (растущая политическая и экономическая зависимость от США и Великобритании, появление такой крупной культурной державы, как СССР, и др.), руководство страны и ее внешнеполитического ведомства остро осознали необходимость и политическую важность сохранения и наращивания влияния Франции в мире, но было вынуждено ограничить свои культурные амбиции Европой (прежде всего средиземноморской и центральной) и своими колониями и протекторатами. Уже в начале 1920 г. декретом президента Пуанкарэ Бюро по делам французских школ и благотворительности при министерстве иностранных дел было реформировано и превращено в более мощную Службу французской культурной деятельности в рамках Управления по политическим и торговым делам Кэ д'Орсэ и состояло уже из трех отделов (по межуниверситетским, артистическим обменам и обменам в области искусства).

Перед новой Службой была прямо поставлена задача «обеспечить интеллектуальную экспансию Франции во внешнем мире». В соответствии с этой задачей государство обязалось «вдохновлять и поощрять французское интеллектуальное проникновение, будучи убеждено, что оно наверняка является одной из самых эффективных форм наших действий за рубежом». Началось системное создание сети французских лицеев и культурных центров за рубежом, а ассигнуемые государством на эти цели средства в межвоенный период не переставали расти. В 1919 г. открылись французские культурные центры в Барселоне и Неаполе, в 1924 г. – в Загребе, в 1933 г. – в Амстердаме, в 1937 г. – в Стокгольме и Лиссабоне. В 1930 г. был основан также Французский институт в Киото. В период между 1929 и 1939 гг. были заключены первые соглашения о культурных обменах со многими странами, в частности с Ираном, Данией, Австрией, Швецией и Румынией. Выдающиеся представители французской культуры (философ Анри Бергсон и физик Мари Кюри) представляли Францию в Комиссии по культурному сотрудничеству Лиги Наций, а в 1924 г. под председательством Франции был учрежден Международный институт интеллектуального сотрудничества (прообраз ЮНЕСКО).

Объем средств, выделявшихся на культурные цели в межвоенный период, вырос с 16% бюджета министерства иностранных дел в 1922 г. до 20,4% в 1938 г. [2, р.24]. Он продолжал расти даже в условиях экономического кризиса 1930-х гг. и в 1936 г. составлял 3,5 млн фр. Заметную роль в укреплении внешней культурной службы Франции в тот период сыграл, в частности, ее руководитель (1920–1925), видный дипломат Филипп Бертелло, пользовавшийся большим авторитетом в интеллектуальных кругах и связанный личной дружбой с такими крупными писателями, как Жан Жироду, Поль Клодель и Поль Моран. Другой личностью, оставившей глубокий след во внешней культурной администрации (1933–1940) был профессор Жан Маркс. Количество сотрудников культурной службы МИДа увеличилось в межвоенные годы с четырех до целой дюжины.

Усилия государства в этот период по-прежнему дополнялись дальнейшим расширением сети Альянс Франсэз в Северной и Латинской Америке и в Центральной Европе. Англичане создали аналогичную организацию – Бритиш Каунсил – только в 1934 г. В тех же целях в 1922 г. под эгидой министерства иностранных дел и министерства народного образования была учреждена автономная Французская ассоциация артистической деятельности (АФАА), на которую была возложена задача содействия продвижению за рубежом французского исполнительского искусства (в состав ее руководящего Совета тогда входил барон-меценат Анри де Ротшильд). Открылась эра по-настоящему широких и регулярных культурных и артистических обменов Франции с другими странами. Но основной упор делался, конечно, на преподавание французского языка. В 1933 г. в 200

зарубежных университетах, преимущественно в США, на этой ниве трудились свыше 300 французских преподавателей. Приоритетными направлениями этих усилий на Ближнем Востоке оставались Сирия и Ливан, на Дальнем Востоке – Китай, а в Центральной и Восточной Европе союзники Франции по Малой и Балканской Антанте – Чехословакия, Румыния, Югославия. Одновременно расширялись возможности для приема иностранцев на обучение в самой Франции.

Приход к власти Муссолини, Гитлера, Салазара и Франко погрузил Европу культуры в атмосферу тревоги. Это придало внешней культурной политике Франции особое значение – ее деятели культуры встали в авангарде антифашистского движения. Одним из непосредственных свидетелей утверждения антисемитизма и нацистской идеологии в Германии был будущий видный французский философ Раймон Арон, преподававший тогда французский язык в Кельнском университете. В частности, по его ходатайству, тогдашний посол Франции в Германии Андре Франсуа-Понсэ организовал перевод по дипломатическим каналам денежных средств, которые великому немецкому писателю Томасу Манну нацисты запретили свободно вывозить из Германии. Как известно, с началом Второй мировой войны Франция раскололась надвое и патриотические силы сгруппировались вокруг генерала де Голля в Лондоне. Во время оккупации в Франции в Америку эмигрировали многие деятели культуры, в том числе и многие русские литераторы, эмигрировавшие из России после Октябрьского переворота в 1917 г. Часть оставшихся приняла участие в Сопропротивлении, многие погибли.

Деятельность культурной службы, разместившейся в маленькой комнате отеля на курорте Виши, была практически свернута властями маршала Петэна. Был отменен закон о запрете антисемитских высказываний в прессе, лиц еврейской национальности не допускали к работе в государственных учреждениях и в сфере культуры. Международная изоляция режима Виши росла, и связи ее культурной службы с внешним миром были практически оборваны. Один за другим закрылись культурные центры Франции в Берлине, Вене, Праге, в странах, оккупированных Германией (Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Югославия). Закрылись двери даже знаменитой виллы Медичи в Риме, а также культурные центры в Неаполе и Флоренции. После высадки армии союзников в Северной Африке в ноябре 1942 г. администрация Виши разорвала отношения с Соединенными Штатами и со всеми странами Латинской Америки, за исключением Аргентины. Но и там культурные службы были оставлены на произвол судьбы. Культурные связи в этот период сохранялись у Франции только с естественными союзниками маршала Петэна – Испанией и Португалией (там даже были проведены какие-то выставки), а также со Швейцарией и Ватиканом, провозгласившими нейтралитет в войне. Лондон и Каир сами прекратили культурные связи

с вишистской Францией, переключившись на де Голля.

Уже в 1943 г., выступая в Алжире, генерал сформулировал свою концепцию культурной политики, цитируя Арагона, Бернаноса, Жида, Мориака и даже Илью Эренбурга. Он справедливо увидел в интеллектуалах залог возрождения величия Франции, подорванного войной. В 1944 г. его новую Службу культурных связей возглавила ее прежняя директриса – Сюзанна Борель, ставшая к тому времени женой руководителя французского Сопроотивления Жоржа Бидо. Оба они много сделали для мобилизации патриотически настроенных деятелей культуры на распространение идей Свободной Франции и возвышение престижа генерала де Голля.

С конца 1942 г. администрация де Голля наладила помощь культурным службам Франции за рубежом, брошенным правительством Виши. В Нью-Йорке открылась Свободная школа высшего образования, где преподавали такие светила, как философ Жак Маритэн, физиолог Анри Ложье, а также видный социолог и антрополог Клод Леви-Строс. Вновь заработали культурные центры в Мехико и Монтевидео. В Бейруте и Каире печатались учебники на французском языке для школ и лицеев. Тогда же, в 1943 г., в другом выступлении генерал де Голль ясно изложил свои взгляды на культурные обмены, заявив, что «Франция из века в век и вплоть до нынешней драмы сумела сохранять за рубежом присутствие своего гения. Это было бы для нее невозможным, если бы она не позволяла себе проникаться веяниями извне. Всякая автаркия в духовной области быстро привела бы к упадку подлинной культуры. Человечество не должно быть лишено такого стимула, как соревнование в художественной, научной, философской областях, и высокие ценности не смогли бы выстоять в психологии утрированного интеллектуального национализма. Вот почему мы раз и навсегда пришли к заключению, что только посредством свободных интеллектуальных и духовных обменов с другими (народами) наше культурное влияние сможет расширяться в интересах всех и в свою очередь способствовать укреплению ценностей, которые мы исповедуем».

Надо отдать должное генералу де Голлю, который, борясь за возрождение былого величия Франции, сразу же после окончания Второй мировой войны дал новый и мощный импульс активизации ее внешней культурной политики. Для этого уже в апреле 1945 г. в рамках министерства иностранных дел, которое возглавил Жорж Бидо, была учреждена Генеральная Дирекция по культурным связям за рубежом. Ее возглавил вернувшийся из Нью-Йорка ученый-физиолог с мировым именем Анри Ложье (позднее он стал заместителем Генерального секретаря ООН и участвовал в разработке Всеобщей Декларации прав человека). С тех пор Гендирекция стала основным инструментом «культурной дипломатии» Франции. В 1946 г. в ее состав была включена служба артистических обменов, в 1947 – отдел по связям с

■ Международные отношения

ЮНЕСКО, а позднее отдел по научно-техническому сотрудничеству и наконец Культурный фонд, предназначенный для распространения французской книги за рубежом.

Таким образом, в исторической эволюции культурной дипломатии Франции можно условно выделить четыре этапа:

– первый заканчивается франко-прусской войной 1870–1871 гг. Это был период спонтанного, бурного и естественного мессианизма с опорой на латинское происхождение, христианскую сущность и универсализм французского языка и французской культуры; распространения во всем мире республиканских идей Великой французской революции и «Марсельезы»; торжества французской Академии наук; триумфа гуманистических идей Просвещения (Декарт, Вольтер, Дидро, Руссо, Сен-Симон, Фурье, Прудон, Огюст Конт); небывалого расцвета французской литературы и искусства; горячей веры французов в то, что Франция – «духовный пастырь человечества»;

– второй этап, 1871–1919 гг., – период ослабевающего, но сознательного и рационального мессианизма, уже зараженного сомнениями и разочарованиями конца века. В то же время романтики во главе с Виктором Гюго с новой силой говорят о совпадении устремлений Франции и всей земной цивилизации, «находящейся под угрозой». Печальный опыт Парижской коммуны, Эжен Потье и его «Интернационал». Поддержанная веры французского общества в универсализм французских идей (Ренан, Леопольд де Соссюр), несмотря на общее сокращение сферы политического и военного влияния Франции на международной арене. Это также эпоха распространения либеральных и социалистических идей (Жорес), консенсуса французской элиты вокруг убеждения, что призвание Франции как суверенного государства–нации служить для других стран Европы и всего мира моделью общества свободы, социальной справедливости (дело Дрейфуса в 1898 г.), убежища и защиты угнетенных;

– третий этап, 1919–1945 гг., – период дальнейшего ослабления политического, экономического и духовного влияния Франции в мире после Первой мировой войны и соответственно его мессианистских устремлений. Разрыв с ностальгическим «пассеизмом», распространение в обществе демократических, марксистских, коммунистических, интернационалистских идей и настроений (Анри Барбюс, Андре Жид, Ромэн Роллан, Луи Арагон), наряду с прежней приверженностью мессианизму таких видных писателей и мыслителей–гуманистов, как Тейяр де Шарден, Анатоль Франс, Селин, Мартэн дю Гар, Жюль Ромэн, Поль Валери, Андре Моруа). Постепенный закат французской колониальной империи, активизация прагматической политики культурных обменов;

– четвертый этап, после 1945 г., – период дальнейшего снижения политического, экономического и морального влияния французского государства в мире, вызванного Второй мировой войной и окончательным распадом французской колониальной империи. Это период институализации культурной политики (создание Гендирекции по культурным связям в МИДе в 1945 г. и министерства культуры в 1959 г.), экономического бума 1960–1970-х гг., первой мощной вспышки социального протеста 1968 г., зарождения экзистенциализма (Сартр, Камю), торжества атлантизма и паневропейских идей (Совет Европы, НАТО, общий рынок, Европейское сообщество). Это эпоха холодной войны, постепенного поворота Франции лицом к третьему миру и наконец эпоха разрядки и мирного сосуществования между двумя противоположными мировыми системами.

XXI в., наступившая эра глобализации, цифровых технологий и новейших средств массовой коммуникации поставили перед культурной дипломатией Франции новые, нелегкие задачи в конкурентной борьбе за влияние в гораздо более сложном мире.

Список литературы

1. Djian J.-M. Politique culturelle: la fin d'un mythe, Editions Gallimard, Paris, 2005, 196 pages.
2. Lane Ph. Présence française dans le monde. L'action culturelle et scientifique, La Documentation française, Paris, 2011, 128 pages.
3. Martin H.-J. Histoire de l'édition française, vol.I, Promodis, Paris, 1982, 631 pages.
4. Poirrier Ph. L'Etat et la Culture en France au XXe siècle, Editions Le Livre de Poche, Paris, 2009, 250 pages.
5. Roche F., Pigniau B. Histoires de diplomatie culturelle des origines à 1995, La Documentation française, Paris, 1995, 295 pages.
6. Roger-Vasselín B. Du Bellay, une révolution poétique? PUF, Paris, 2007, 95 pages.
7. Raymond J.-F. L'action culturelles extérieures de la France, Documentation française, Paris, 2000, 136 pages.
8. Salon A. L'action culturelle de la France dans le monde. Editions Fernand Nathan, Paris, 1983, 160 pages.

Об авторе

Косенко Сергей Иванович – к.полит.н., заместитель Почетного консула РФ в Лозанне, автор трех монографий на тему французской культурной политики: «Политика культуры или культура политики. Опыт Франции», изд-во «Восток–Запад», Москва 2008; «Культура в палитре внешней политики. Опыт Франции», изд-во «Восток–Запад», Москва, 2010; «Мягкое могущество в твердой упаковке. Особенности культурной политики Франции», изд-во МГИМО, Москва, 2011. E-mail: civiks@bluwin.ch

THE GENESIS AND EVOLUTION OF THE FRANCE'S CULTURAL DIPLOMACY THROUGH CENTURIES

S.I. Kossenko

Consulat honoraire de la Fédération de Russie en Suisse. 13, avenue Rumine, 1003 Lausanne, Suisse.

Abstract: *The historical roots and the development of external cultural action of France are considered in the article as an attribute of the so called "diplomacy of influence" or "smart power". The traditionally important place of culture in the French foreign policy is underlined as a part of its strategy aimed at increasing its global influence.*

The worth of both the history and the culture of France- homeland of the Enlightenment, freethinking and Declaration of Human Rights- keeps, no doubts, a honourable place not only in the European but in the world storehouse of spiritual values. However, if the splendour and attractiveness of the French culture succeeded to tide over the reverses of times, it happened first of all owing to a streamlined cultural policy pursued through ages by ruling circles of this country –from luminous monarchs to modern presidents.

In that sense the cultural policy as a target oriented action by the State aimed at the preservation and protection of national cultural particularity is a purely French "invention", a phenomena which takes its roots in the depths of the national history and maintains its continuity through centuries. Up to now, France remains unique among the developed countries with its thoroughly elaborated and diligently carried on cultural policy leaned on a strong organisational machinery. The facts taken from many latest foreign publications illustrate the narration.

Key words: diplomacy of influence, cultural policy, cultural diplomacy, cultural exception.

References

1. Djian J.-M. Politique culturelle: la fin d'un mythe [Cultural policy: The end of a myth]. Paris, Editions Gallimard, 2005. 196 p.
2. Lane Ph. Présence française dans le monde. L'action culturelle et scientifique [French presence in the world. Cultural and scientific activities]. Paris, La Documentation française, 2011. 128 p.
3. Martin H.-J. Histoire de l'édition française [History of French publishing]. Paris, Promodis, 1982, vol. 1. 631 p.
4. Poirrier Ph. L'Etat et la Culture en France au XXe siècle [The state and culture in France in the twentieth century]. Paris, Editions Le Livre de Poche, 2009. 250 p.
5. Roche F., Pigniau B. Histoires de diplomatie culturelle des origines à 1995 [Stories of cultural diplomacy origins up to 1995]. Paris, La Documentation française, 1995. 295 p.
6. Roger-Vasselín B. Du Bellay, une révolution poétique? [Du Bellay, a poetic revolution?]. Paris, PUF Publ., 2007. 95 p.
7. Raymond J.-F. L'action culturelles extérieures de la France [The external cultural action of France]. Paris, Documentation française, 2000. 136 p.
8. Salon A. L'action culturelle de la France dans le monde [Cultural activities of France in the world]. Paris, Editions Fernand Nathan, 1983. 160 p.

About the author

Kossenko Serguei Ivanovich – RF Deputy Honorary Consul in Lausanne, Switzerland, PhD, author of several articles and three books on the French cultural policy. E-mail: civiks@bluewin.ch
